

МЫ ЕЩЕ НЕ РАЗ ВАС УДИВИМ

ХУАН-КАРЛОС ТОРРЕС, VACHERON CONSTANTIN

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Vacheron
Constantin, Malte
Tourbillon High
Jewellery, 2014

настоящий турбийон
бьется с частотой сердца

Хуан-Карлос Торрес руководит самой старинной швейцарской часовой мануфактурой, работавшей без перерывов с 1755 года. Все это время часы Vacheron Constantin были среди первых по часовым рекордам и продажам.

— В прошлом году на вечеринке Vacheron Constantin вы пообещали нам большую женскую коллекцию. Где же она?

— Терпение! Все будет. Но вы, журналисты, всегда недовольны. Я напомним вам, как в прошлом году, когда мы показали много женских моделей, на нас тут же набросились ваши коллеги с криками: «Как же так, вы забыли часы для мужчин!» Нет, вам не угодишь, я вижу. Мне как раз кажется, что в этом году мы нашли баланс между мужскими и женскими часами.

— Ваши женские часы очень хороши, это правда, но не настала ли пора для целой женской линии?

— Нет, не настала. И я не мог вам обещать целую линию, разве что в тот вечер я и вправду, как говорится, был готов на все. Видите ли, это не совсем наше дело, мы и так не в состоянии полностью удовлетворить запросы и выполнить заказы всех мужчин. У нас очень сложные часы, поэтому желающих часто больше, чем часов.

— Но у вас были прекрасные асимметричные женские часы. Из тех, что называют культовыми. Почему бы не сделать целую линию на их основе?

— Это был бы эрзац женской линии. Модель, о которой вы говорите, действительно прекрасна. Я скажу больше: она так совершенна, что не может эволюционировать, а это то, чего мы теперь ждем от всех своих моделей. Если мы изменим пропорции, она все потеряет. Мы когда-то делали прелестные маленькие часы, но с кварцевым механизмом — согласитесь, я не могу сейчас развивать Vacheron Constantin с кварцем. Это означает себя не уважать. Я искренне люблю эти часы, но как только мы попытаемся установить

в них классический механизм, нас ждут сплошные проблемы. Не забывайте, что в то время размеры часов, даже для мужчин, были гораздо меньше, это раз, и эти часы не были водонепроницаемыми, это два, они были защищены от влаги, но плавать с ними было нельзя. То есть в итоге от замечательной модели осталось бы одно название.

— Вы говорите, что работаете преимущественно для мужчин, но сейчас все чаще женщинам предлагают все те же усложнения, что и мужчинам. Значит, у вас есть преимущество, есть наработки.

— Это тоже иногда от лукавого, я не хочу, например, выпускать часы с турбийоном для женщин. Сила и принцип Vacheron Constantin — это большой турбийон с частотой не более трех герц, который вращается медленно. Вы вот хотите от меня, чтобы я сделал маленький и объявил: «Перед вами турбийон для женщин!» Так вот, в таком размере он ненамного увеличит точность хода по сравнению с нормальным спуском.

— Но точность здесь не так важна, как красота турбийона.

— То есть и вы не в силах правильно ответить себе на вопрос, хочет ли женщина часы очень точные или очень красивые. Мне кажется, что, делая турбийоны для женщин, мужчины тешат свое эго. Если женщина и вправду любит механику и хочет турбийон, пусть купит большие мужские часы. Я против маленьких турбийонов! Так и запишите! Турбийон — это ритм и темп «пум-пум-пум!». Настоящий турбийон бьется с частотой сердца. Вот это я понимаю. И если он начинает частить, так это не что иное, как тахикардия.

— Что вы думаете о гонке за ультратонкими механизмами, которая сейчас началась?

— Вы считаете, что она началась, а по-моему, она кончилась. Потому что все теперь хотят рекордов. В соревнованиях гонка идет без конца, вы делаете один продукт — это промежуточный финиш, потом вы бежите дальше и делаете другой. Но нельзя смешивать два понятия: гонка и рекорд. Настоящая цель здесь не рекорд, а продукт.

— Вы считаете, что рано или поздно появятся физические пределы совершенствования?

— Ну конечно. Потому что гонка заканчивается, иначе вы сделаете часы в толщину бумажного листа и никогда не пустите их в производство, никогда их не продадите. Надеюсь, не мы одни отдаем себе отчет в том, что есть пределы для миниатюризации. Мы были в этой гонке, и в прошлом году мы выпустили самый тонкий в мире минутный репетир. Но мы сделали это не для того, чтобы сказать, что мы лучше, чем другие, а для того, чтобы показать себе, что мы можем себя превзойти.

— То есть вы соревнуетесь только с собой?

— Вот именно. И тут незачем себя обманывать. Я могу сделать наитончайший репетир хоть завтра. Я схитрю, сменю циферблат на более плоский, поставлю стекло пониже и нарисую индексы на циферблате вместо того, чтобы делать их объемными. Я выиграю миллиметр. Зачем? Чтобы погубить эстетику? Лучше уж я сохраню эстетику и не буду ставить никому не нужные рекорды.

— Вы говорите так уверенно, что создается ощущение: вы просто не все показали на SIHH и в течение года у вас будет еще много новинок.

— Не могу с вами поспорить еще и потому, что понимаю, вы спрашиваете не просто так. Болтун — находка для шпиона. Но какого ответа вы ждете от меня? Я вам все готов показать, мы давно знаем друг друга, но тогда я попрошу вас выключить диктофон, спрятать фотоаппарат и никому об этом не рассказывать. В чем же тогда смысл? Я подтверждаю, и охотно, что мы не раз еще вас удивим в течение года.

— Что вы скажете по поводу интереса, который проявляет к Vacheron Constantin, да и ко многим другим маркам, международная преступность. Ваш новый бутик в Париже был ограблен, часовщики опасаются нападений даже в Швейцарии.

— С этим придется жить в Европе. Так было когда-то в Латинской Америке, теперь это пришло к нам. Безопасность в мире значительно понизилась, и часовщики не могут, к сожалению, на это повлиять. Утешение, хотя и слабое, в том, что воры, видимо, имеют вкус и очень тщательно выбирают марки для нападений.

Беседовали Екатерина Истомина и Алексей Тарханов